

Что же выяснилось?

8–12 ноября 1996 г. в г. Галле в Германии состоялась международная научная конференция, посвящённая участнику экспедиции Беринга натуралисту Георгу Стеллеру (1709–1746). На ней присутствовали участники экспедиции «Беринг-91» Звягин, Шумилов, Станюкович, Епишкин. На конференции выступил директор музея в г. Хорсенсе Оле Шеринг, участвовавший в раскопках захоронений в бух. Командор. Он заявил, что в Дании найден портрет поэта Витуса Педерсена Беринга, дяди мореплавателя. Он изображён в парике и не похож на портрет, экспонируемый в Центральном военно-морском музее. Таким образом, версия А. В. Шумилова рухнула.

Участник конференции доктор исторических наук Б. П. Полевой рассказывал президенту общества «Память Балтики» К. А. Шопотову, одному из авторов этой статьи:

«Ко мне подошёл профессор Звягин и сказал:

– Мы опасаемся только вас. Теперь, вернувшись с конференции, вы сделаете об этом заявление?

– Считаю, это должны сделать вы сами, – ответил я ему».

В науке отрицательный результат – тоже результат. Но в таком случае авторы исследований должны были бы внести поправки в своих дальнейших публикациях.

Однако никаких поправок не последовало ни от Шумилова, ни от Звягина, ни от Станюковича.

Позже в сборнике «Краеведческие записки» Камчатского краеведческого музея за 1996 г. доктор исторических наук Б. П. Полевой написал: «Оле Шеринг (Дания, Хорсенс) внёс некоторые уточнения в биографию Витуса Беринга и рассказал об участии датчан в раскопках на о. Беринга. Показанный им недавно обнаруженный в Дании портрет поэта Витуса Беринга, дяди мореплавателя, говорил не в пользу недавно возникшей гипотезы о том, что хранящийся в военно-морском музее в Санкт-Петербурге портрет Витуса Беринга будто бы принадлежал его дяде. Стало очевидным, что и этот вопрос остаётся нерешённым и поэтому заслуживает дальнейшего тщательного изучения» (11).

Тем не менее, авторы публикаций продолжают ссылаться на версию А. В. Шумилова, которую опровергли датчане.

При изучении черепа исследователи использовали известный портрет Витуса Беринга, который они считали портретом его дяди. В книге «Последняя экспедиция» приводятся данные исследований: «из 34 сравниваемых признаков половина из них является общими», – пишет В. Н. Звягин (12). И сделал вывод: «Распределение признаков исключает принадлежность портрета и черепа одному лицу» (13).

В несколько новой интерпретации результаты этих исследований изложены в пятой главе книги «Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции» (М.: Научный мир, 2012).

На этот раз исследователи пришли к выводу: «Внешность человека из захоронения в бух. Командор обнаруживает детальное сходство с родовым фенотипом Берингов. <...> Без сомнения, наши выводы будут отражать черты генетики рода Берингов весьма приближённо. Справедливо подчеркнуть это ещё и потому, что используемые материалы довольно фрагментарны».

Говоря о воссоздании облика Витуса Беринга, авторы пишут, что «костные останки сохранились чрезвычайно плохо», «костная ткань прослеживается в виде следов», «почти два года заняло восстановление несохранившихся частей черепа». Тем не менее, они делают вывод, что изображение на известном портрете не принадлежит капитан-командору.

«Кто же он? – вопрошают они. – К сожалению, мы ничего определённого сказать не можем, можем лишь рекомендовать проведение нового искусствоведческого исследования портрета» (14).

По результатам пластической реконструкции создан бюст. «При выполнении реконструкции мы несколько омолодили изображённого – на бюсте ему около 50–55 лет. Этот период у В. Беринга был предельно насыщен событиями. Изображённый находится в состоянии душевного равновесия (?!)» (15).

Судите сами, уважаемые читатели, может ли считаться в таком случае истинным облик Витуса Беринга?

Чувствуя уязвимость своих исследований, авторы пишут: «Строго говоря, проведённое исследование не может считаться методически безукоризненным. Дело в том, что пластическая реконструкция не является вещественным доказательством истинного облика Витуса Беринга в общепринятом смысле этого слова» (16).

Вот так-то, уважаемые читатели! А мы-то верили публикациям о воссоздании истинного облика командора. На самом деле, это художественный образ мореплавателя – один из многих.

Н. В. Дивнина, главный библиотекарь Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова обнаружила в интернете 148 портретов Витуса Беринга (17).

Анализируя известный, традиционный портрет Витуса Беринга и новый, воссозданный исследователями, она пишет: «Не забудем, что „старый портрет“ Беринга – это тоже, предположительно, портрет того самого дяди. Но изображённые люди абсолютно не похожи друг на друга! При публикации результатов исследования это никак не объясняется: и тот, и другой имеют признаки, относящиеся к фенотипу внешности, характерному для большинства представителей рода Берингов. Кто же из них кто?»

Тем не менее, в Центральном военно-морском музее широко известный портрет капитан-командора Витуса Беринга с экспозиции был снят.

Считаем, что эта несправедливость должна быть устранена. Традиционный портрет великого мореплавателя, офицера русского флота, капитана-командора Витуса Беринга необходимо вернуть в экспозицию и вместе с картиной Свешникова «Чириков у открытых им западных берегов Америки» и портретом М. В. Ломоносова выставить в одном из залов нового прекрасного здания Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге.

1. *Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К.* Командорский лагерь экспедиции Беринга. Опыт комплексного изучения. М.: Наука, 1988. 128 с.
2. Последняя экспедиция Витуса Беринга. М.: Пангея, 1992. С. 162.
3. Там же. С. 174–175.
4. Там же. С. 153.
5. *Шопотов К. А.* Берингов крест. СПб.: ГеоГраф, 2016.
6. Последняя экспедиция... С. 177.
7. *Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742. М.: Изд. ПАН, 1995. С. 64.
8. *Ваксель С.* В Государственную Адмиралтейств-Коллегию Всепокорнейший репорт // Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский. 2011, С. 546.
9. *Стеллер Г.* Описание плавания из Петропавловска на Камчатке к западному побережью Америки // Последняя экспедиция Витуса Беринга... С. 103–104.
10. Последняя экспедиция... С. 12–13.
11. *Полевой Б. П.* Научная конференция, посвященная 250-летию со дня смерти Георга Вильгельма Стеллера // Краеведческие записки. 1996. Петропавловск-Камчатский, 1997. N 10. С. 266.
12. Последняя экспедиция... С. 183.
13. Там же. С. 186.
14. Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М.: Научный мир, 2012. С. 124.
15. Там же. С. 98.
16. Там же. С. 120–121.
17. *Дивнина Н. В.* 148 портретов Витуса Беринга // В путь за непознанным...: материалы XXXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 103–108.

П. Л. Калмыков
НИКОЛАЙ ФЕСУН – ГЕРОЙ И ЖИВОПИСАТЕЛЬ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ

Петропавловскому порту в 1854 г. повезло в том, что на защиту его встали люди незаурядные, отважные, находчивые. Такие люди жили на Камчатке, такие люди попадали сюда по долгу службы. Судьбы этих людей для краеведа не менее интересны, чем линии художественных романов. Начать хоть с руководителя обороны – В. С. Завойко, который юнцом командовал артиллерийской частью корабля в Наваринском сражении, счастливо спасся из морской пучины; впоследствии дважды ходил вокруг света, издал о том книгу, где в числе прочего описал своё катание на акулах... Теперь же Завойко был седоусым строгим и любящим отцом – и своему собственному семейству, и молодым офицерам, новым удальцам – таким, как Николай Фесун, 19-летний мичман фрегата «Аврора».

Николай Алексеевич Фесун родился 7 февраля 1835 г. (все даты по юлианскому стилю), в Золотоношском повете Полтавской губернии (как и Завойко, заметим), где его отец имел 200 десятин земли и 14 душ крестьян. Отец, Алексей Николаевич, был военным моряком, ветераном турецких войн, кавалером орденов (1). Мать, Анастасия Спиридоновна, урождённая Милонас, из рода греческих архонтов, также славного моряками (2). И продолжая семейную традицию, Николай Фесун в возрасте 14 лет (в 1848 г.) поступил в морской кадетский корпус, спустя три года стал гардемаринном; в 1852 г. на фрегатах «Константин» и «Церера» крейсировал в Балтийском море. 13 августа 1853 г. произведен в мичманы (3), а восемь дней спустя покинул Кронштадт на судьбоносном фрегате «Аврора». Впереди ждали штормы, ремонт в Англии, краткие стоянки в заморских портах, м. Горн, тяжелейший переход через Тихий океан наперегонки с вестями о войне и, наконец, Камчатка.

Каков он был, мичман Фесун? Ростом невысок, стройный, наверняка чернявый (не забудем про греческую кровь), с зоркими блестящими глазами. Общительный, привыкший всё про всех знать, первым добывать новости и сообщать их в драматической манере. Честолюбивый и бесстрашный. Любитель щегольнуть морским словом. Азартный спорщик. Жадный до чтения, в каждом порту накупал книг на французском и английском языках. Имел живой и толковый литературный слог. Все морские офицеры вели в ту пору дневники; для одних это была тягостная формальность, они лишь списывали туда курс и ветер из шканечного журнала, другие начинали дневник цветастыми фразами, но после череды морских будней сводили к тем же шканечным выпискам. Дневники Николая Фесуна не скудели подробностями и послужили ему основой для ряда интереснейших публикаций.

В одной из первых статей Фесун описывает перуанский порт Кальяо и близлежащую к нему Лиму, столицу республики Перу (4). В статью поместилось всё: и особенности входа корабля на рейд, и пейзажи, и архитектура, и политическая ситуация, и местные нравы, и лимские женщины; особо описаны флагманы вероятного противника – французский фрегат «La Forte» и британский «President», с которыми «Авроре» пришлось вскорости сразиться на Камчатке. Это были первые русские сведения о Кальяо за 36 лет, со времён капитана Головнина на шлюпе «Камчатка» (как отметил классик русской литературы Н. Г. Чернышевский).

Заметим ещё статью г. Фесуна: «Каллао и Лима» (№ 7) – интересную уж по одному тому обстоятельству, что со времен капитана Головнина, посетившего Перу в 1818 г., в этой стране ещё не был ни один русский военный корабль до фрегата «Аврора» (5).

В дни обороны Петропавловска от англо-французской эскадры (1854 г.) мичман Фесун был назначен командовать 1-й стрелковой партией из 30 матросов. В день 19 августа партия была направлена на Красный Яр, отбить занятую неприятелем трёхпушечную батарею, однако неприятель ретировался, не дожидаясь столкновения. Во второй половине дня лишь одна русская батарея на косе продолжала бой, не подпуская вражеские фрегаты к внутренней гавани. Николай Фесун пишет: «...В половине 4-го часа капитан наш, думая, что командир ее [батареи № 2] имеет недостаток в порохе, приказал мне на катере перевезти к нему назначенное число картузов; приказание было исполнено, порох принят на батарею» (6).

А 24 августа Фесун проявил себя настоящим героем. Именно он был послан на перешеечную батарею на смену раненому Александру Максудову. «Подхожу к оставшемуся орудью, прислуга его идет за мной, но и неприятель не зевал, он делает залп за залпом, в несколько секунд оно подбито, некоторые ранены обломками, и все мы в полном смысле слова осыпаны землей» (7). Мичману оставалось только забрать прислугу и порох с разбитой батареи. После чего отдохнуть не пришлось: английские и французские десантники заняли гребень Никольской сопки, откуда уже обстреливали из штуцеров палубу фрегата «Аврора». Наши стрелковые партии были направлены на сопку сбить неприятеля, повёл своих матросов и Фесун. Об этом эпизоде он рапортует командиру фрегата И. Н. Изыльметьеву: «Подходя на ружейный выстрел, партия была рассыпана в стрелки, и пользуясь местностью, открыли усиленный ружейный огонь, занимая положение на высотах и видя значительное скопление неприятеля, который, не будучи в состоянии развернуть фронта, начал мешаться; я командовал всей цепи движение вперед, что было исполнено с быстротой и стремительностью. Неприятель подался назад, наши усилили наступление с ударом в штыки, окончательно обратили его в бегство.

Заняв высоты, я сделал всею цепью движение влево и, примкнув к отлогостям горы, снова стал поражать неприятеля, садящегося в шлюпки, ружейным огнём, до тех пор пока последнее гребное судно вышло из выстрела. Когда десант был сбит с горы, неприятельский фрегат и бриг открыли по нашим стрелкам усиленный огонь, но ядра, перелетая или ударяясь в основание возвышенности, не причинили людям никакого вреда.

В заключение долгом считаю донести вашему Высокоблагородию о том, что во всё время боя все составляющие вверенной мне партии соревновались друг перед другом в усердии, ревности и прочем исполнении своего долга. Истрелявшие патроны добывали себе новые из рук неприятеля, раненые возвращались в дело, причём некоторые оказали подвиги такого мужества, о которых нужным нахожу особенно представить Вашему Высокоблагородию...» (8).

Трудно остановиться, начав цитировать Фесуна: уж если сухой рапорт оживлён драматическими подробностями, то его письмо к начальнику Морского корпуса Б. А. Глазенапу – просто образчик батальной прозы, на который вольно и невольно оглядывались сослуживцы в своих письмах и дневниках. Фесун первый сравнил конвой из 12 неприятельских гребных судов, захвативших безоружный плашкоут с кирпичами, с лубочным сюжетом «как мыши кота хоронили». Или невиданное зрелище буксировки одним колёсным пароходом трёх огромных фрегатов – с кадрилию. Историки любят звонкое объяснение Фесуна, почему малочисленные стрелковые партии добились успеха: «...У всех была одна общая и хорошо известная цель: во что бы ни стало сбить с горы неприятеля; числа его тогда хорошенько не знали, и каждый последний матрос вполне понимал одно, что Французам с Англичанами оставаться там, где они были, – не приходится!» (9).

За отличие в сражении Николай Фесун был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом и произведен в лейтенанты. Фрегат «Аврора» остался зимовать в Петропавловске, где лейтенант Фесун и отметил своё 20-летие.

Весной 1855 г. фрегат, тяжело нагруженный людьми и казенным имуществом, покинул Петропавловск и направился к устью Амура. Перипетии этого перехода также известны нам из записок Николая Фесуна. И шторм, лишивший было фрегат руля, и ежечасное ожидание встречи с новой вражеской эскадрой, рыскавшей совсем рядом, и, наконец, столкновение в заливе Де-Кастри флотилии адмирала Завойко с кораблями английского коммодора Эллиота. Каждой стороне противник почудился превосходящим, и боевые действия ограничились несколькими выстрелами. А затем коммодор Эллиот потерял русскую флотилию, за что ему пришлось оправдываться перед парламентом. «Исчезнувший» для англичан фрегат «Аврора» тайным фарватером вошёл в Амурский лиман, где был разоружен от пушек и снастей и многодневными усилиями втащен через бары в устье реки. В том же году лейтенант Фесун награжден орденом Св. Анны 3 ст. В 1856 г. война закончилась и «Аврора» отправилась домой, на Балтику, на этот раз через Индийский океан, вокруг Африки, замыкая тем самым кругосветное плавание. В Гонконге лейтенант Фесун общался с офицерами британского фрегата «Winchester» и выпытал много интереснейших сведений из стана недавних неприятелей. Приводит он в записках и такую историю: «В то время, когда „Аврора“ зашла в Гон-Конг... командор Эллиот, имея брейд-вымпел на том же самом фрегате „Сибил“, с которым он парадировал в Де-Кастри, стоял в реке [Кантон], командуя одной из блокадных дистанций; по реке этой, как по большой дороге к Вампоа и Кантону, беспрестанно снуют пароходы. Вечером того дня, когда „Аврора“ бросила якорь на гонконгском рейде и когда уже почти стемнело, один из шедших вверх по реке пароходов придержался под корму к „Сибил“ и окликнул его; получив ответ с английского фрегата, на пароходе прокричали: „Слушайте! Фрегат «Аврора», которого вы искали два года, теперь пришел в Гон-Конг и вас ищет“. Потом дан полный ход, и прежде чем командир, ожидавший новостей и бывший сам на юте, успел опомниться, задорный янки (пароход был американский) уже скрылся за темнотою».

В 1858 г. из Кронштадта в Средиземное море отправилась эскадра военных кораблей адмирала К. И. Истомина. В числе её офицеров немало знакомых по Петропавловску имён. Винтовым фрегатом «Громобой» командовал капитан 1 ранга Иван Изыльметьев, под его началом служили поручик Николай Можайский и лейтенант Василий Попов. А на винтовом линейном корабле «Ретвизан» – лейтенант Николай Фесун. На «Ретвизане» же в плавание отправился писатель Д. В. Григорович (все мы знаем его рассказ «Гуттаперчевый мальчик») и опубликовал об этом путевые впечатления (10). Офицеров-соплателей Григорович именуется по начальным буквам фамилий, и в первой же главе передаёт встречу с лейтенантом Ф.

- «– Несчастье случилось! – сказал Ф. шагов ещё за десять.
- Что такое? – спросил я, и сердце у меня дрогнуло. <...>
- «Ретвизан», входя на рейд, – помните, в то утро, после пробной экспедиции...
- Ну? – перебил я, едва переводя дух.
- Входя на кронштадтский рейд, напоролся на чужой якорь.
- И пошел ко дну?.. – спросил я, обливаясь холодным потом.
- О нет, но только теперь разоружается, чтобы снова войти в док...

– Сколько же потребуется времени на то, чтобы разоружить, починить и снова вооружить корабль? – спросил я.

– Месяц, по крайней мере.

– Боже мой! – воскликнул я, не ожидая такого удара.

– Вам говорили, кажется, что в морском деле ничего нет определенного, верного; у нас вперед угадывать нельзя ни под каким видом.

– Верю-верю; теперь это ясно... – проговорил я с убеждением.

Когда Ф. объяснил мне подробно, в чём заключалось вооружение и разоружение, я повесил голову и окончательно потерял надежду привести в известность, морские ли ноги у меня или нет. Труд предстоял действительно невероятный: следовало снять с корабля восемьдесят четыре орудия огромного калибра, затем требовалось ввести корабль в док, потом выпустить из дока воду, починить рану, нанесенную враждебным якорем; снова наполнить док водою, вывести корабль в гавань и снова поставить на него восемьдесят четыре орудия – и все это с помощью перевозки водою.

– И вы говорите, что на все это потребуется только месяц? – спросил я Ф. тоном человека, давно уже утратившего все мечтания и обращающегося к юноше, полному ещё самых горячих надежд и верований.

– Да, не больше... Может быть, меньше... Вы не знаете ещё нашего матроса; не знаете, что может он сделать, – прибавил Ф., как бы выстреливая в меня».

Чуть ниже Григорович сообщает: «Воодушевленные одною мыслью, имея в виду одну цель, как матросы, так и офицеры совершили тогда чудо. В три дня „Ретвизан“ был разоружен, в три дня вооружен; через две недели корабль стоял уже на рейде, совершенно готовый к отплытию».

Если собеседником писателя был лейтенант Фесун, то мы помним, что разоружение и вооружение корабля ему были близко знакомы. Сомнения отпадают после ещё одного указания: в одной из офицерских дискуссий «выставляли они в пример С. и Ф., которые, проведя год на Амуре, питались одним только моржовым жиром с примесью тёртой брусники – и при всем том остались все-таки в живых...». Именно от Григоровича мы знаем о страсти Ф. к чтению и приобретению книг, о его драматической манере сообщать новости. Приведён однажды и разговор лейтенанта с подчинёнными. «На каждый вопрос... матрос отвечает: „Есть!“ На днях лейтенант Ф., стоя на вахте, закричал унтер-офицеру при перемене какого-то паруса: «Что вы как бешеные там ломите; вы этак человека убьете!...» – „Есть!“ – ответили ему сверху в один голос».

Григорович обрывает свой морской рассказ главой о Ницце и Генуе. А в Генуе на эскадру прибыл сам генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич и поднял флаг на «Ретвизане». Вот что записал он в своём дневнике в Палермо: «29 декабря. Шторм продолжается с той же силой, но суда наши куда-то ещё на местах. В 2 часа дождь немного улегся, и я отправился снова на гавань. Всё у нас благополучно, хотя ночь была ужасная. Ещё несколько швартовов лопнуло и палов вывортило, а у одного берегового якоря оторвало веретено. В гавани сорвало одно австрийское судно и стало разбивать в бурунах на банке. Команду спасли с „Ретвизана“ на катере, на котором выезжал Фесун. Во время шторма вошел в гавань великолепно неаполитанский военный корвет. Стенку на море ещё разрушило. Оттуда поехал на Марину. Там прибором ходит через всю набережную и во многих местах её испортил. После обеда с жинкой занимались музыкой. Я играл на виолончели, а она аккомпанировала на фортепьянах. Играли „Lieder ohne Worte“ Мендельсона, и для первого раза шло недурно» (11).

Из рук великого князя лейтенант получил за свой смелый поступок перстень с бриллиантом (12), а по рапорту капитана Таубе (13) награждён золотой медалью на владимирской ленте; отблагодарили спасителя и австрийцы – орденом Железной Короны 3 ст. (14).

Сам Фесун в том же Палермо написал статью технического характера, малопонятную читателю, далёкому от парусного и парового флота (15). А по возвращении из плавания был вынужден обратить перо к делам пятилетней давности. Почему «вынужден»?

Вернёмся чуть назад. В номере 7 «Морского сборника» за 1857 г. был опубликован очерк о подвиге матроса Семёна Удалого (16). Автор не подписался, однако легко угадывался – адмирал Завойко. История Удалого пересказывается со слов матросов, захваченных вместе с Семёном в плен на плашкоуте, перевозившем кирпичи из Тарьи в Петропавловск. «Неприятельские шлюпки забрали нас и побуксировали наш ботишко, словно мыши кота погребали...» Год спустя пленных доставили к Петропавловску на французском бриге и велели становиться на подачу ядер к пушке, наставленной на русский берег. Семён отказался. Тогда французский старший лейтенант затопал ногами и закричал на него: «Ежели не пойдешь к пушке, то сейчас повешу!» Но Семён Удалой

предпочёл смерть в морской пучине. Рассказ мог бы показаться легендой, если б на него не откликнулся... французский старший лейтенант с брига «Облигадо» Эдуар-Полидор Ванеку, известный под псевдонимом Эд. дю Аيي (17). Француз изложил свою версию подвига Семёна Удалого: никто пленных к пушке не ставил, никто ногами не топал, вешать не грозился, а утопился Семён из-за своей мнительности. Но главное – дю Аيي дал описание Петропавловского дела – самое полное на тот момент и убедительное, вот только мощь русских укреплений, численность и выучка защитников были преувеличены. Последнее слово не должно было оставаться за французом. Лейтенант Фесун не смолчал.

«Возвратясь из практического плавания в Средиземном море на корабле „Ретвизан“, я просматривал ряд статей Revue des Deux Mondes за прошлый, 1858 год. <...> Ничто так не привлекло моего любопытства, не удивило и не порадовало меня, как статья под заглавием: „L'Expedition de Petropavlosk“ – сочинение Эдуарда Гайли. <...> Располагая журналом, ведённым под непосредственным влиянием происшествий, я решился, разобрав с возможною подробностью и беспристрастием статью господина Гайли, не ограничиться одним этим разбором, а ещё попытаться рассказать, как сумею, тот длинный ряд счастливых событий, который привлек к отдалённым и прежде столь мало известным берегам Восточного океана внимание всего образованного мира» (19). Своё намерение Николай Фесун исполнил наилучшим образом, его рассказ для российских историков стал столь же хрестоматийным, как и рассказ дю Аيي для западных историков. Но записки Фесуна породили на страницах «Морского сборника» полемику, связанную с оценкой роли двух личностей – адмиралов В. С. Завойко и Г. И. Невельского (18). Среди прочих несогласий Невельской отрицал необходимость потопления фрегата «Паллада», оспаривал невозможность ввести его в Амур, ядовито высказывался как о достоверности записок, так и об их авторе. На придирки Невельского Фесун отвечал не менее ехидно. Задетый Фесуном Д. Романов пишет: «Нередко один и тот же эпизод одними приписывается г. Невельскому, другими г. Завойко; г. Фесун, как видно, принадлежит к числу последних, потому что хотя обвиняет меня в пристрастии к г. Невельскому (что не выдержит ни малейшей критики), а между тем сам, – правда, весьма осторожно, как бы невзначай и издали, – расточает панегирики г. Завойко. Открыто отдать заслуженную дань справедливости, прямо выставить на первый план заслуги г. Завойко у г. Фесуна не достаёт храбрости, – что, как объясняют многие, происходит между прочим и оттого, что г. Фесун будто бы приходится родственником г. Завойко, – но пред общественными заслугами всякая скромность, даже и родственная, неуместна. Конечно, г. Фесун подкрепляет свой рассказ официальными документами, – но разве он не знает или не слыхивал, что иногда официальные документы бывают совершенно противоположны истине».

Критически откликнулся на записки Фесуна и капитан I ранга А. А. Арбузов, не ладивший с В. С. Завойко в Петропавловске (19). Кое в чём его замечания справедливы, но и личная обида на Завойко сквозит. В другой мемуарной статье Арбузова (20) встретим такую фразу: «Идя далее [в бой на Никольскую сопку], встретил я мичмана Фесуна с 12-ю матросами. Мичман не принял моего предложения присоединиться ко мне, он спешил к г. Завойке, своему дяде».

Сам «дядя», В. С. Завойко, в полемику не вмешивался и был прав: не дело героям делить заслуги.

А Николаю Фесуну, после относительно комфортного плавания на «Ретвизане» по средиземноморским курортам, предстоял переход из Кронштадта в Тихий океан на винтовой канонерской лодке «Морж», маленькой и не созданной для океанского плавания. О её качествах Фесун пишет: «Когда дело дошло до плавания под парусами, то горькая действительность заставила отказаться от всяких надежд на самые скромные переходы, заставила убедиться, что будем плыть на Амур долго, очень долго, или правильнее – будем не плыть, а тащиться». [После шторма] «...мы могли смело сказать, что „Морж“, при отсутствии всех других морских качеств, способен по крайней мере держаться на каком бы то ни было волнении, – условие, конечно, весьма важное, хотя и бочонок, наглухо закупоренный, вполне обладает им». «Была ещё одна особенность, в первое время порядочно нас удивлявшая. При большом волнении „Морж“ быстро клало набок, а поднимался он медленно; ляжет, бывало, всем бортом и лежит, точно в раздумье: встать или нет; минуты тут, конечно, казались часами, но привыкли однако же и к этому, да как и не привыкнуть, когда та же история без всяких дурных последствий повторялась чуть ли не два года... Утомительна, физически и нравственно, шестичасовая ураганная вахта, но в полночь, когда я спустился вниз, мне показалось там несравненно хуже: при закупоренных люках лодочная кают-компания смотрит гробом; теснота, вонь и духота страшные» (21). Ходовые вахты в этом полугодовом плавании делили между собой лишь два лейтенанта – Фесун и Арсеньев, сменяя друг друга днём через 6 часов, а ночью через 4, не успе-

вая ни выспаться, ни просохнуть. Арсеньев характеризует своего сменщика так: «Он был умный и развитой молодой человек, верующий и вполне порядочный, но большой пессимист и болезненно самолюбивый, что, положительно, отравляло его жизнь» (22). «Записки его... до такой степени пессимистичны, что их и читать тяжело. И хотя они вполне справедливы, но все ему кажется в таком грустном и тяжелом свете, что хотя в его описаниях нет преувеличения фактов и искажения их, но есть некая экзaggerация их оценки и какая-то тенденция видеть все в черном свете, который не соответствовал общему нашему тогдашнему настроению». (Однако то и дело Арсеньев иллюстрирует свой рассказ цитатами из записок Фесуна.) «Не любили люди [матросы] и лейтенанта Фесуна и называли его Жидом; он был всегда мрачный... и не умел относиться к Русскому матросу с той простотой, добротой и авторитетностью, которые присущи Русскому офицеру-барину и которые так любят наши матросы и солдаты». Притом Фесун в своих записках отзывается о нижних чинах вполне уважительно, особо отмечая, что на «Морже», где не было телесных наказаний, матросы исполняли обязанности охотнее и лучше, чем то бывает из-под палки. Поверим Арсеньеву: в череду штормовых вахт нелегко было выглядеть правильным русским барином. «Это плавание, – пишет Арсеньев, – было для меня отличной жизненной школой, и после него никакая служба мне никогда не казалась трудной, и ничто никогда не казалось мне скучным. Мне кажется, что ни Фесун, у которого здоровье было, что называется, скрипящее, ни я, мы бы не выдержали этого образа жизни, если бы не отдохновение и не облегчение, доставляемые нам во время стоянки в портах». В портах лейтенанты дежурили на судне сутки через сутки, и такой режим им казался отдыхом.

Для Фесуна это было второе плавание из Атлантики в Тихий океан, но если «Аврора» обходила Америку вокруг м. Горн, то «Морж» – Магеллановым проливом. Спустя несколько лет этим же путём шла винтовая лодка «Горностаи». «На лодке нашлась брошюра под названием „Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж»“, в которой лейтенант Фесун так просто и с такими подробностями описывает день за днем плавание Магеллановым проливом, что мы руководствовались ею всё время; она часто выводила нас из затруднения там, где в лоции Кинга и Фиц-Роя не было никаких указаний» (Статья с этой благодарностью подписана «Гр. К. Л.» – автором был граф Константин Литке, также авроровец и ветеран Петропавловска.) (23).

В плавании Фесун неоднократно вспоминает и Россию, и Дальний Восток, почву Патагонии именует тундрой, а титул губернатора Магеллановой территории, по его определению, – «почти то же самое, что если бы командира нашего поста в гавани Ольги назвали губернатором обеих Манчжурий; та же власть, то же значение, тот же круг деятельности, с тою ещё разницею впрочем, что в Ольге через год нет да и сменят, а из Патагонии не скоро вырвешься!» Вовсе не одним пессимизмом полны «записки», немало в них интересных наблюдений и познавательных сведений, и забавных эпизодов.

Арсеньев же, завершая рассказ о плавании, словно бы вздыхает: «Так судьба соединяет и разлучает людей. Даже из офицеров я видел только несколько раз командира Кроуна, лейтенанта Фесуна и механика Олюнина. ...Лейтенант Николай Алексеевич Фесун скоро после возвращения своего в Петербург из плавания [на] „Морже“ женился на своей троюродной сестре, дочери адмирала Василия Степановича Завойки, начальствовавшего на Камчатке во время Петропавловского боя, перешел потом на службу в Черноморское Пароходное Общество и был долго агентом Общества в Бейруте, причём достиг при отставке контр-адмиральского чина. Я его не видал уже более 30-ти лет».

И это уже третье указание на родственные связи Николая Фесуна и Василия Завойко. Правда ли это?

Николай Фесун действительно женился на Прасковье Васильевне Завойко. Если она приходилась ему троюродной сестрой, то у них должен был быть общий прадедушка, он же дед Василия Степановича Завойко.

И вот строка из автобиографии В. С. Завойко: «Для пояснения я должен вам сказать, что мать моя была дочь казачьего полковника Фесуна, которого по покорению Крыма Государыня наделила землёю, и часть казаков, с которыми он гарцевал, прикрепила к земле» (24).

Увы, других сведений о своём дедушке Фесуне В. Завойко не сообщает, и до новых генеалогических открытий подтвердить родство героев нам нечем. В 1784 году Осип Фесун упомянут в списке Малороссийского Гадяцкого полка в числе казаков, имеющих хозяйство и семейство (25).

Вернёмся к послужному списку Николая Фесуна. В 1863 г. он награжден орденом Св. Станислава 2 ст. Произведен в капитан-лейтенанты с назначением для особых поручений при управлении морским министерством. В частности, отвечал за снабжение и вооружение строившихся

башенных броненосных лодок (26). Последняя статья Фесуна в «Морском сборнике» «Современное значение броненосного флота» (27), как уверены историки, написана по поручению генерал-адмирала, главы морского министерства. Никаких на этот раз приключений и подвигот – вопросы политические и экономические: чего стоят броненосные корабли, нужны ли они России? Уже по объёму статьи можно судить о её серьёзности и непростоте. Вывод следовал: «Расходы на флот не роскошь, а необходимость, пусть даже печальная, но не подлежащая сомнению».

В 1864–1867 гг., согласно «Общему морскому списку», Фесун командовал башенной лодкой «Ураган», плавал между Петербургом и Кронштадтом и в финляндских шхерах. В 1865 г. награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с императорскою короною, в 1866 г. удостоился благодарности генерал-адмирала.

7 Июня 1866 г. «Список лицам Главного морского штаба Е. И. В. на 1866 год» (с. 199) находит капитан-лейтенанта Фесуна 1-го, Николая Алексеевича уездным исправником в г. Могилеве (вероятно, в Могилёве-Подольском). Но других упоминаний об этом не встречено.

10 января 1870 г. Фесун уволен для службы на коммерческих судах, то есть в Русском обществе пароходства и торговли, о чём сообщал Д. С. Арсеньев. И если Арсеньев местом службы своего товарища называет Бейрут, то в 1876 г., 24 января, в ряды Общества содействия русской промышленности и торговле был заочно принят «Николай Алексеевич Фесун, агент Русского Общества пароходства и торговли в Смирне» (28). (Чем далее, чем чаще фамилия «Фесун» пишется через двойное «с» – для заграницы это имеет хотя бы тот смысл, чтобы «с» не произносилась как «з».)

Эта служба не была отставкой, Николай Алексеевич продолжал продвигаться в званиях. В 1871 г. он произведен в капитаны 2 ранга, в 1875 г. в капитаны 1 ранга. Наконец, 19 марта 1884 г. – уволен со службы с присвоением чина контр-адмирала.

Брак Николая Фесуна с Прасковьей Завойко остался бездетным, и о жизни отставного адмирала нам рассказать некому. Возможно, «скрипящее здоровье» старого моряка требовало солнца, душа – моря, а средства позволили ему проживать в Ницце. В 1898 г. Церковный вестник сообщает о решении строить в Ницце новый русский храм. «Знаменитая Ницца – этот рай земной для нетруждающихся и необремененных. Ежегодно стекается там до трех тысяч наших соотечественников, и между ними, конечно, много таких, которые ждут себе исцеления от разных недугов в целебных условиях этого благодатного уголка. <...> Потребность в храме, при значительном количестве больных и умирающих, являлась вопиющая. Каждую зиму нескольким землякам приходилось переживать последнюю, страшную минуту расставания с жизнью без утешения церкви, которая одна сияет лучезарною звездой над тьмою трансцендентальной бездны». «Отец настоятель счел небесполезным для обсуждения своего предположения о важном деле пригласить тех из прихожан, которые постоянно живут в Ницце и интересуются церковными делами. <...> В собрании прихожан [28 марта] присутствовали сенатор Готовцев, генеральный консул в Ницце, камергер Батурич, барон Б. Э. Вольф, генерал-майор Мажный, контр-адмирал Фесун, полковник Арнольди и многие другие. <...> Судя по рисунку, ниццкий приход будет впрямь гордиться своим храмом» (29).

Ожидания оправдались, Свято-Никольский храм в Ницце и поныне радуется взоры, но наш контр-адмирал его не дождался, сойдя в «трансцендентальную бездну» ровно в тот год, когда началось строительство храма.

Н. А. Фесун умер 13 ноября 1909 г. и похоронен в Ницце (Франция), на православном Николаевском кладбище, Cimetière Caucade. Номер захоронения 399 (30).

В июне 2016 г., будучи в Ницце проездом, я навестил могилу камчатского героя. Старое русское кладбище открыто для посещений только несколько часов в неделю, ворота на замке, однако с северной стороны к стене примыкает пустырь, и стена эта совсем невысока. Номера захоронений на могилах не обозначены, это затрудняет поиск, но кладбище невелико. И вот он – восьмиконечный гранитный крест. На верхних перекладинах слова Иисуса: «Придите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы» (31). А на подножии: «Контр-Адмирал Николай Алексеевич Фесун. Скончался 13/26 ноября 1909 г., 74-х лет».

Полированный гранит блещет как новенький, но могильные плиты под ним чужие. Перед крестом – генерал-полковник генерального штаба П. П. Мельчиков и жена его, умершие в один год, 1972-й. С обратной стороны – Л. Л. Лопатин (1905–1983) и Н. П. Фоллендорф (+1899). Кладбище, как сказано, маленькое, и если могила без подновления разрушается, то место пусто не бывает. Спасибо тем, кто сберёг крест.

Вдова адмирала, Прасковья Васильевна Фесун, не осталась жить в Ницце. В 1914 г. она числится среди землевладельцев Балтского уезда Подольской губернии: поместье 515 десятин, с. Ка-

менная Криница Трояновской волости (32). По рассказам Е. В. Гриневецкой, правнучки Василия Завойко, «бабушка Паша каждое лето приезжала... в имение Завоек – Великую Мечетню» (33). (Ехать было недалеко – тот же Балтский уезд.)

Портрета Николая Фесуна у нас нет.

В семье Завойко сохранился снимок, сделанный в начале XX в. в Великой Мечетне (опубликован Н. С. Киселёвой в книге «На волне памяти»). Сидят под деревьями на лавочке две пожилые дочери Василия Завойко: Вера и Прасковья, а с ними их племянница, Евгения Гриневецкая. С краешка, рядом с Прасковьей Васильевной, сидит пожилой мужчина. На голове его белая фуражка с кокардой, на плечах поверх кителя накинут плед. Он седовлас и седоус, однако его смуглое лицо скрыто тенью козырька. Взгляд опущен, словно бы он разглядывает на ладошке божью коровку, не заботясь взглянуть на фотографа. Потомки Завойко предполагают, что мужчина, так близко сидящий к Прасковье Васильевне Фесун, и есть её супруг, Николай Алексеевич Фесун, отставной контр-адмирал. Подтвердить эту версию пока нечем, но ничто и не мешает допустить, что супруги приехали из Ниццы на родную Украину навестить родню.

Несомненно, Николай Фесун не раз позировал фотографу. В ателье ли с молодой женой, на палубе корабля «Ретвизан», или в собрании русского бомонда Ниццы... Возможно, такое фото ещё найдётся, и мы сможем посмотреть в глаза потомку украинских казаков и греческих архонтов, кругосветному мореходу, неправильному барину и мрачному экзажератору, но главное – герою и живописателю Петропавловской обороны.

1. Общий морской список. Ч. 8. С. 369–370.
2. [Электронный ресурс] URL : <http://forum.vgd.ru/148/9899/2110.htm>
3. Послужные данные Николая Фесуна // Общий морской список. Ч. 12. С. 157–158.
4. Каллао и Лима. (Из записок мичмана Фесуна 1-го, служившего на фрегате «Аврора» в 1854 году) // Морской сборник. 1855. Т. XVII. № 7, июль. Отдел учебно-литературный. С. 91–118.
5. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15-ти т. М., 1949. Т. 2: Статьи и рецензии 1853–1855. С. 599. [Электронный ресурс] URL : books.google.com.
6. Фесун Н. А. Письмо начальнику Морского корпуса Б. А. Глазенапу // Защитники Отечества. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 33.
7. Там же. С. 34.
8. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3003. Л. 69–70об. Командиру фрегата «Аврора» Г. капитан-лейтенант Изыльметьеву мичмана Фесуна рапорт; [Электронный ресурс] URL : http://www.kamlib.ru/resources/rga_283.htm
9. Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора» // Морской сборник. 1960. № 1, янв., Ч. неофиц. С. 1–46.; Разбор статьи Дю-Айи («Гайли»), переход из Калья в Петропавловск, оборона порта, жизнь в Петропавловске; № 6, май. Ч. неофиц. С. 1–43. Зимовка в Петропавловске и перенос порта на Амур; № 8, июль. Ч. неофиц. С. 50–80. Переход из Петропавловска в Де-Кастри, встреча с неприятелем; уход в лиман р. Амур; № 9, авг., Ч. неофиц. С. 368–395. Переход из Де-Кастри к мысу Лазарева; № 11, окт., Ч. неофиц. С. 417–458. Проводка эскадры к Николаевску; постройка батарей, казарм и жизнь в Николаевске в 1855 г.
10. Корабль «Ретвизан» (Год в Европе и на европейских морях). Путевые впечатления и воспоминания Д. В. Григоровича. СПб., 1873. [Электронный ресурс] URL : http://dugward.ru/library/grigorovich/grigorovich_korabl_retvizan.html
11. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861 / сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М. : Терра, 1994. С. 152. [Электронный ресурс] URL : books.google.com.
12. Смирнов В. Г. Плавание на винтовом корабле Ретвизан по лучшим странам Европы: путевые впечатления гардемарина Михаила Рыкачева (1858–1859) // Елагинские чтения. Вып. 6. СПб, 2013.
13. Морской сборник. 1859. № 3. Ч. офиц., С. 104; Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. СПб., 1871. С. 217–218.
14. Там же. 1859. № 6. С. XLIII. Здесь же сообщено название погибшего австрийского судна – «Ammirabile».
15. Фесун Н. А. Замечания французских офицеров о корабле «Ретвизан» // Морской сборник. 1895. № 5. Ч. неофиц. С. 143–170.
16. Защитники Отечества. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 243.
17. Рассказ дю Айи о Семёне: Revue des deux mondes, 1858, tome XVII (Livraison du 1er Septembre.). P. 172–173.
18. Романов Д. И. Ответ г. лейтенанту Фесуну на его статью «Из записок офицера, служившего на

фрегате «Аврора» // Морской сборник. 1861. № 2. С. 278–283; Невельской Г. И. Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции на статьи г. Фесуна, напечатанные в Морск. Сб. за Июль и Август месяцы // Там же. 1860. № 13, дек. Ч. неофиц. С. 359–386; Фесун Н. А. Ответ на замечания г. Невельского // Там же, 1861. № 2. С. 164–170; Шенурин А. А. Возражения на статью контр-адмирала Невельского «Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции» // Там же. С. 171–184; Невельской Г. И. Письмо в редакцию Морского Сборника. (По поводу статьи г. Шенурина) // Там же. № 6, прил.

19. Арбузов А. П. Замечания на статью г. Фесуна о Петропавловском деле // Морской сборник. 1860. № 10. С. 4–10; Защитники Отечества. 1989. С. 166–169.
20. Арбузов А. П. Оборона Петропавловского порта в 1854 г. против англо-французской эскадры (из записок очевидца и участника в этом деле) // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 365–379; Защитники Отечества. С. 61–83.
21. Фесун Н. А. Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж» // Морской сборник. 1863. № 2, 4 (особые приложения, т. е. отдельные брошюры).
22. Из записок адмирала Д. С. Арсеньева. 1860–1862 годы. Плавание к берегам Восточной Сибири на канонерской лодке «Морж» // Русский архив. 1910. № 10. С. 257–442.
23. Гр. К. Л. (К. Ф. Литке.) Магелланов пролив и берега Патагонии. (Из заметок о плавании на винтовой лодке «Горностаи») // Морской сборник. 1868. № 3. Ч. неофиц. С. 3.
24. РГА ВМФ. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9; Киселёва Н. С. На волне памяти. О Петропавловской обороне 1854 г. Сборник воспоминаний, статей, писем и официальных документов. Петропавловск-Камчатский, 2010.
25. ЦГИАК Ф. 736. Оп. 1. Д. 207.
26. Лысенко В. И. Броненосные башенные лодки типа «Ураган» // Судостроение. 1985. № 3. С. 70.
27. «Н. Ф...а» // Морской сборник. 1864. № 4. Ч. неофиц. С. 263–324.
28. Труды общества для содействия Русской промышленности и торговле. Ч. 10. СПб, 1876. Журналы заседаний Комитета. С. 26.
29. Церковный вестник. 1898. № 29. С. 1013–1014.
30. Чернопятов В. И. Русский некрополь за границей. Т. 3. М., 1913. С. 19; [Электронный ресурс] URL : <http://forum.vgd.ru/348/4092/0.htm>
31. Евангелие от Матфея, 11:28.
32. [Электронный ресурс] URL : <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Podolia/baltauezd.htm>
33. Киселёва Н. С. На волне памяти. С. 127.

Э. Кастен В. И. ИОХЕЛЬСОН И СИБИРЯКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1894–1897)

(перевод с немецкого Э. Кастена в обработке Тьян Заочной)

С В. И. Иохельсоном исследование народов и культур северо-восточной Сибири к концу XIX в. вступило в новую фазу. В течение предшествовавших 150 лет естествоиспытатели немецкого или немецко-балтийского происхождения уже посвятили себя этой деятельности, работая по поручению Российской империи (1). У Иохельсона была совершенно иная профессиональная подготовка. В первую очередь, это социально-критические убеждения, явно повлиявшие на его первые встречи с коренными народами и на его последующие исследования в северо-восточной Сибири. В ходе исследований он выработал методы, некоторые из которых позднее стали основополагающими для тогда еще молодой дисциплины – этнологии.

Благодаря многостороннему и интенсивному опыту в жизни Иохельсона произошел ряд неожиданных перемен: от политического активиста к ссыльному в Сибири, где он начал интересоваться живущими там местными народами. Позднее в Нью-Йорке он завершил свой научный труд, опираясь на который он оказал большое влияние на начинающуюся советскую этнографию. Иохельсон принял активное участие в трех больших этнографических экспедициях в северо-восточной Сибири: в Сибиряковской экспедиции (1894–1897), Северо-Тихоокеанской Джекзуповской экспедиции (1897–1902) (2) и экспедиции Рябушинского (1908–1911). На вопрос о том, как происходило формирование Иохельсона как этнолога, более приемлемый ответ можно дать, если рассмотреть исследование его первой экспедиции – Сибиряковской (3).

Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Иркутске организовал в 1894–1897 гг. (4) Якутскую историко-этнографическую экспедицию, во время